

На правах рукописи

Джо Лимин

Джо Лимин

004611312

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ РОССИИ И КИТАЯ**

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

21 ОКТ 2010

Улан-Удэ – 2010

Работа выполнена на кафедре социологии
Дальневосточного государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Васильева Елена Владимировна

**Официальные
оппоненты:** доктор социологических наук, профессор
Дагбаев Эрдэм Данзанович
кандидат социологических наук
Калмынина Татьяна Викторовна

Ведущая организация: Восточно-Сибирский государственный
технологический университет

Защита состоится «08» октября 2010 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.022.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Бурятском государственном университете по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского государственного университета.

Автореферат размещен на сайте БГУ www.bsu.ru 07 сентября 2010 года.

Автореферат разослан 08 сентября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

А.М. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальная структура принадлежат к числу основных факторов, определяющих социальную жизнь любого общества, что возводит ее изучение в число тем, стоящих в центре внимания социологов. Особую актуальность ее исследование приобретает на этапах трансформаций, которые претерпевает то или иное общество, поскольку структурные изменения определяют характер всех трансформационных процессов, способствуя или препятствуя их протеканию. В настоящее время к числу таких трансформирующихся обществ, прежде всего, относятся Россия и Китай.

Преобразование общественной сферы обоих государств последних десятилетий, связанное в России с попыткой войти в состав высокоразвитых, или постиндустриальных, обществ, а в Китае – с окончательным преодолением специфических черт традиционного общества, имеет некоторые общие черты. По мнению ряда исследователей, именно вхождение в рынок явилось важнейшей причиной изменения социальной структуры в России и Китае, основной чертой которой стала резкая поляризация общества по критерию бедности и богатства.

Некоторое сходство тенденций в становлении рыночных механизмов обеих стран не исключает существование различий в этих процессах, которые отразились на характере структурных изменений. В обеих странах суть этих изменений состояла в переходе от централизованной плановой экономики к рыночной, преобразовании социальных отношений, статусно-ролевых позиций целых групп и установлении новых параметров социального неравенства, сокращался государственный и рос частный сектор. В результате конкурентной борьбы отраслевых групп за доминирование в экономике сформировалась новая социально-отраслевая иерархия. Произошли изменения в сфере занятости и безработицы. Усилилась роль материально-имущественной и властно-административной, социально-пространственной и социально-профессиональной дифференциации. Проявилась поляризация и маргинализация огромных масс населения, одновременно начал формироваться средний класс.

Изменения социальной структуры в трансформирующейся России можно рассматривать как распад высоко интегрированного и относительно однородного по основным социально-экономическим и идеологическим позициям социума на многочисленные социальные группы. В Китае же проявилась тенденция перехода от традиционной двухкомпонентной социальной структуры (город и село) к многокомпонентной.

Все это повышает научный интерес к сравнительному изучению социальных структур обоих обществ, в целом отличающихся расширени-

ем геополитических интересов, стремлением нарастить и наращиванием темпов экономического развития в новых условиях и обретением опыта рыночных отношений.

Степень научной разработанности проблемы. Основы исследования проблемы социальной структуры были заложены в западной социологии классического периода и успешно развивались в дальнейшем. Функция, неравенство, устойчивость и взаимоотношение элементов в социальной структуре рассматривались в трудах классиков.

В классической социологии, в частности, в трудах К. Маркса, дано понимание важнейшей категории социальной структуры и стратификации общества – «класс», позже дополненное М. Вебером за счет таких понятий, как «статус», «страта», или «статусная группа». Значительный вклад в развитие теории социальной структуры, в основе которой лежит социальное неравенство, т.е. стратификация общества, внес П.А. Сорокин. Дальнейшее развитие теория социальной структуры и стратификации получила с позиций макросоциологического подхода в трудах теоретиков структурного функционализма – Т. Парсонса, Р. Мертона, К. Девиса и У. Мура.

Во второй половине ХХ в. к понятию социальная структура обратились исследователи, работавшие на микросоциологическом уровне: Д. Хоманс и Р. Блау, Р. Дарендорф и Л. Козер, Р. Коллинз, Г. Ленски, О. Дункан¹. Это позволило им изучать конкретные компоненты, образующие социальную структуру, рассматривая их преимущественно с позиций существующего социального неравенства как стратификацию.

Оба подхода, принятые в первой половине ХХ в., оказались непримлемы для социологов последней трети ХХ в., стремившихся преодолеть сложившуюся дихотомию. Одна из успешных попыток была предпринята Э. Гидденсом², выдвинувшим теорию структурации. Другая – связана с именем П. Бурдье³, обратившегося к использованию генетического структурализма, с тем чтобы избежать деления социологического анализа на микро- и макроподходы.

До настоящего времени социологи Запада не пришли к единому мнению относительно категории «социальная структура». Но нет противоречий в понимании ее как устойчивой взаимосвязи социальных

¹ Блау П. Обмен и власть в социальной жизни. Пекин: Хуася, 1988.; Блау П. Неравенство и Гегерогенность. Пекин: Общественные науки в Китае, 1991; Козер Л. Функции социального конфликта. Пекин: Хуася, 1989; Ленски Г. Власть и привилегия: теория о социальной стратификации. Ханчжо: Чжэянинское народное изд-во, 1988.

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. Пекин: Санълянь, 1998.

³ Бурдье П., Вакан Л. Практика и рефлексивность: критика рефлексивной социологии. Пекин: Изд-во центрального компилирования, 1998.

компонентов, или элементов, которые определяются социологами в зависимости от парадигмы, в рамках которой ведется исследование. Подобное положение отразилось на теоретическом осмыслении проблемы социальной структуры в социологии России и Китая. Данная позиция разделяется диссертантом.

Для российских ученых исследования социальной структуры являются одним из приоритетных направлений. Широко известны работы Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян, Т.И. Заславской, М.Н. Руткевича, О.И. Шкарата, В.И. Ильина, Ю.В. Арутюняна, В.В. Радаева, Р.В. Рывкиной, Н.Е. Тихоновой⁴. Помимо монографических исследований и статей, проблеме социальной структуры современной России посвящен ряд диссертаций.

В центре внимания проводимых исследований оказалась проблема социального неравенства: именно с этих позиций оценивается трансформация имевшихся и появление новых компонентов социальной структуры. В современной российской социологии сформировался ряд направлений, в центре которых стоят проблемы богатства и бедности населения; его маргинализация; становление и характеристики среднего класса; проблема элиты современного российского общества. Одновременно используются новые подходы, включая ресурсный. Как и на Западе, появляется тенденция синтеза подходов макро- и микроуровней. На их основе ученые пытаются выявить основные критерии построения социального неравенства, профиль социальной стратификации, проблему устойчивости социальной структуры и ее динамику.

В китайской социологии интерес к изучению социальной структуры общества так же вызван процессом реформирования и является таким же высоким. Можно отметить таких ученых, как Ли Пэйлин, Сон Линьфэй, Чжэн Ханшэн, Сунь Липин, Ли Чан, Лу Суэ-и, Ли Чуньлин, Лю Цзинмин, Ли Лулу, У Чжунминь, Ли Юаньшу, Чжан Цзин⁵ и др.

⁴ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России. М.: Academica, 2001; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социол. исслед. 2008. № 7; Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004; Радаев В.В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России. 2003. № 4; Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004; Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социол. исслед. 2006. № 9; Шкарата О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

⁵ Ли Лулу. Трансформация социальной структуры: переворот правил структуры и субъекта структуры // Социологические исследования. Пекин, 2005. №5; Ли Пэйлин. Размер и идентичность и социальные отношения среднего класса в Китае // Социология. 2008. №2; Ли Чан. Структура общественной стратификации Китая во время трансформации.

Современные исследователи Китая исходят из признания того, что в стране возникла плюралистическая модель социальной структуры общества, которая сменила традиционную двухкомпонентную социальную структуру, представленную городским и сельским населением. Такая структура имеет дифференцированные характеристики: сельскохозяйственные, промышленные и информационные, которые составляют три относительно изолированных социума.

Как и в России, многие китайские ученые обращают внимание на различные аспекты проблемы неравенства, возникшего в процессе реформирования. В основном к компонентам социальной структуры они относят личность и группы, которые классифицируют по разным основаниям. Вместе с тем, некоторые ученые полагают, что главной единицей анализа социальной структуры являются социальный статус, положение в социальной иерархии и уровень международного авторитета государства.

Таким образом, в современной социологии сформировалась солидная теоретическая и эмпирическая база в исследовании социальной структуры общества и происходящих в ней стратификационных процессов. Результатом явилось выделение в социальной структуре трех видов; социально-классового, социально-профессионального и социально-демографического. Признавая высокую научную ценность исследований, необходимо отметить, что ряд теоретических положений нуждается в эмпирическом подтверждении на компаративном уровне в свете произошедших социальных изменений и развития современной социальной структуры, особенно в трансформирующемся обществе.

Объектом диссертационного исследования является социальная структура российского и китайского общества на современном этапе развития.

Предметом исследования выступают взятые в сравнении основные социоструктурные компоненты переживающих трансформацию обществ России и Китая.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении общего и особенного в развитии основных параметров социальной структуры при системной трансформации обеих стран.

Для достижения поставленной цели диссидентант сосредоточил основное внимание на решение следующих исследовательских задач:

Хэйлунцзян: Хэйлунцзянское народное изд-во. 2002; Ли Чуньлин. Увеличение и состояние среднего класса в Китае // Общественные науки Цзянсу. 2008. №5; Лу Сюе-и. Исследовательский доклад современной китайской социальной стратификации. Пекин: Литературы по социологии, 2002; Сунь Липин. Трансформация социальной структуры Китая и ее изменения модели анализа // Нанкинские общественные науки. 2009. №5;

1. Осуществить социологический анализ основных подходов к исследованию проблемы социальной структуры в социологии Запада, России и Китая.
2. Установить основные факторы, детерминирующие социоструктурные параметры российского и китайского обществ.
3. Выявить роль демографических компонентов в социоструктурной специфике России и Китая, раскрыть основные тенденции их развития.
4. Провести сравнительный анализ параметров основных структурных компонентов обеих социальных систем.
5. Исследовать структуру занятости и безработицы, сложившуюся в обеих странах с позиций их структурной значимости.
6. Определить основные социоструктурные компоненты в качестве ресурсов и возможность их конвертируемости в экономический капитал по критерию дохода.
7. Выявить основные тенденции изменения образовательной и профессиональной структуры российского и китайского обществ.
8. Дать общую оценку состоянию социальной структуры российского и китайского обществ.

Теоретической и методологической основой реализации поставленных целей и задач исследования послужила классическая парадигма социологического исследования, в основе которой лежит принцип социологизма, исходящий из признания общества как надындивидуальной реальности и автономности его социальной структуры. Данный принцип характерен для исследований, проведенных как в классической социологии (Спенсер, Маркс, Дюркгейм), так и в ряде современных интегративных парадигм (Гидденс, частично – Бурдье и др.). В рамках признания целостности социальной структуры использовались теоретико-методологические подходы различных научных парадигм: системный, структурный и структурно-функциональный, стратификационный подходы. Основное внимание было уделено сравнительному подходу, в основе применения которого лежит принцип сходства и различия объектов, позволивший выявить общие и специфические черты, социоструктурную динамику современных обществ России и Китая.

Автором применялись также методы исследования статистического анализа: принципа линейной группировки, применения коэффициента пола, коэффициента демографической нагрузки, коэффициента фондов, коэффициента Джинни, децильного коэффициента и др. В исследовании конкретного текстологического и исторического материала использован функциональный метод, который предполагает анализ социальных явлений и процессов с позиции выполняемых ими функций. Сравнительно-исторический метод, позволивший провести анализ истоков

формирования понятия социальная структура в ряде сложившихся социологических концепций, выявить и систематизировать современные теоретически подходы к исследуемой проблеме.

Эмпирическая база исследования.

В качестве источников для прикладной части диссертации использовались данные государственной статистики, опубликованные в ряде ежегодников и тематических сборников России и Китая, а также выложенные на официальных сайтах органов государственной статистики обеих стран. Привлечены опубликованные данные конкретных социологических исследований социальной структуры российского и китайского обществ.

Кроме того, в работе анализируются результаты конкретных социологических исследований, полученных лично автором (опрос жителей провинции Хэйлунцзян, проведенный в январе 2008 г. $n = 372$ чел.) или при его непосредственном участии (анализ данных социологического исследования, проведенного кафедрой социологии Дальневосточного государственного университета осенью 2006 года по межрегиональному проекту МИОН «Будущее России: взгляд из центра и регионов». Руководитель Е.В. Васильева, к.и.н., зав. каф. социологии. $n = 615$ чел.). В обоих случаях выборка пошаговая, случайная – на этапе отбора населенных пунктов и квотная – на этапе отбора единиц наблюдения, презентативная по половозрастному и образовательным переменным.

Научная новизна диссертационного исследования:

- выявлены основные методологические подходы и определены сущность социоструктурных теорий и возможность их применения при анализе социальной структуры трансформирующихся обществ;
- определены внешние и внутренние факторы, которые детерминируют социоструктурные параметры российского и китайского обществ;
- раскрыта роль демографических компонентов в социоструктурной специфике обеих стран, установлены основные направления их развития;
- выявлены основные характеристики различных компонентов социальной структуры и их взаимосвязь в современных обществах России и Китая;
- в научный оборот введены новые данные о социальной структуре и критериях стратификации трансформирующихся обществ;
- установлены тенденции изменения образовательной и профессиональной структуры России и Китая. Раскрыто их влияние на динамику социальных сдвигов в обществах этих стран;
- показано общее состояние социальной структуры двух стран. Им даны оценочные характеристики;

- впервые проведено целостное сравнение основных параметров социальной структуры обеих стран на социально-демографическом, образовательном, социально-профессиональном и стратификационном уровнях.

В ходе проведения теоретического и прикладного социологического исследования получены научные результаты, формулируемые автором диссертации как **положения, выносимые на защиту:**

1. Основной тенденцией эволюции социологического знания в области социальной структуры является сближение теорий и методологических подходов к ее изучению, сохраняющий в мировой социологии известное многообразие взглядов на существование вопроса. Данное многообразие свойственно теоретическим и методологическим исследованиям социальной структуры современных обществ России и Китая и оказывает воздействие на конкретные социологические исследования при доминирующем интересе к проблемам социального неравенства, а, следовательно, – к стратификационным системам.

2. Социальная структура обоих обществ представляет собой системное образование, в рамках которого компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их состав в целом соответствует составу компонентов, входящих в социоструктуру современных высокоразвитых обществ, что говорит о функциональном сближении социальных институтов российского и китайского обществ с одной стороны и высокоиндустриальных – с другой.

3. Характер взаимосвязи компонентов на основе ранжирования каждого общества, где в качестве основного признака выступает неравенство по экономическим показателям, которые не только детерминируют все остальные компоненты социальной структуры, но и в свою очередь зависят от них, что не дает возможность считать процессы реформирования обоих обществ завершенными.

4. Вектор социосструктурной трансформации России и Китая определен общим фактором вхождения в рынок, а также их социокультурным прошлым (влиянием габитуса), обусловившим неравномерную динамику параметров структурных компонентов каждого из обществ и ее инерционный характер.

5. Выгодные стартовые условия, в которых оказалась Россия, предоставляют больше возможностей, чем в Китае, для приведения социальной структуры в соответствие с целями реформирования общества в целом, но реально к этому не приводят.

6. Социальная структура современных России и Китая относится к разряду неустойчивых и незавершенных, сдерживающих системные преобразования обоих обществ в настоящем. Первая, представляя структуру

индустриального общества, тяготеет к социоструктурной модели постиндустриального общества, вторая, все еще относясь к структуре традиционного общества, тяготеет к модели общества индустриального. Инерционное течение социоструктурных процессов обеспечивает в ближайшие годы сохранение занятой позиции.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что данное диссертационное исследование является одним из первых в российской социологии, посвященных целостному и детальному анализу основных параметров социальной структуры современного российского и китайского общества, осуществленному на основе сравнения. Диссертационное исследование выявило основные тенденции эволюции теории социальной структуры и расширило социологическую проблематику тенденций социальных трансформаций современного общества.

Материалы, основные положения и выводы данного исследования могут быть использованы в дальнейших научных разработках проблем социальной структуры, особенно для сравнительного исследования Китая и России. Вместе с тем, они позволяют ознакомиться с основными характеристиками нынешнего состояния общества обеих стран и динамикой их трансформации, что поможет применить эти сведения в разработке социальной политики обоих государств.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета. Основные положения диссертационной работы отражены в выступлениях на научной международной конференции «Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы», 22 июня 2007 г., Владивосток; на научно-практической молодежной конференции «Политические и социально-экономические проблемы Дальнего Востока и стран АТР», Владивосток, 27 апреля 2007 г.; на научно-практической молодежной конференции Владивостокского института международных отношений, Владивосток, 22 апреля 2009 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется состояние разработанности рассматриваемой проблемы, определяется объект и предмет исследования, его цель и задачи, ука-

зываются методологические принципы разработки поставленной темы, раскрывается научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования, указываются формы ее апробации.

В первой главе **«Георетико-методологические основы изучения социальной структуры общества»** рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию социальной структуры в западной социологии, в социологии России и Китая.

В первом параграфе **«Проблемы изучения социальной структуры в западноевропейских научных парадигмах социологии»** представлен генезис понятия «социальная структура» и изменение его смыслового наполнения в зависимости от социологических парадигм в соотношении с понятием «социальная стратификация». Началом исследований послужила классическая социология, представленная позитивизмом (О. Конт), зарождавшимся функционализмом (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) и марксизмом (К. Маркс). В рамках этих направлений общество рассматривалось как системное образование: агрегация у Г. Спенсера, общественная формация у К. Маркса, социальный факт *sui generis* у Э. Дюркгейма. Элементной основой признавались социальные институты (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) и социально-экономическая формация и надстроечные элементы духовного содержания (К. Маркс). Кроме того, в качестве составляющих элементов признавались индивиды, объединенные в большие группы по основаниям – класс (К. Маркс, Г. Спенсер) и профессия (Э. Дюркгейм).

В рамках классической социологии зародились будущие структурно-функциональная, стратификационная (неравенство классов) и конфликтологическая (антагонизм классов) парадигмы изучения социальной структуры. Далее категория класс была дополнена критериями статуса, влияния (отношение к власти), престижа и введено понятие страта (М. Вебер), впоследствии положенное в основу собственной теории многомерной стратификации П.А. Сорокиным.

Дальнейшее изучение социальной структуры было связано с парадигмальным делением социологии на микро- и макроуровни. В рамках макроподхода развивался структурный функционализм, представленный главным образом теорией Т. Парсонса, рассматривающей общество как систему, элементной основой которой служат институты, связанные между собой и функционирующие. Дифференциация функций, выполняемых социальными группами, создает неравенство между ними и входящими в них индивидами. Подобную позицию разделяли другие функционалисты: У. Мур, К. Дэвис, Р. Мертон. Р. Мертон привлек интерес к изучению ограниченных сфер поведения групп: бюрократическая орга-

низация, референтная группа, дифференцируя социальную структуру такими единицами, как социальный статус, слой, организация.

К середине XX в. в центре внимания социологов оказались проблемы социального неравенства и теории стратификации. Социальное неравенство рассматривалось как результат взаимодействия индивидов (Дж. Хоманса и П. Блау) или борьбы классов и групп за перераспределение материальных, властных и социальных ресурсов (Р. Дарендорфа). Одновременно наметился синтез структурно-функционального и стратификационного подходов, отражая стремление объединить теории макро- и микроуровня. Со стороны функционалистов такие попытки предприняли У. Мур и К. Дэвис, со стороны теоретиков стратификации – Дж. Хоманс, П. Блау, Г. Ленски, конфликтолог Л. Козер.

Социологи исходили из того, что основу для ранжирования при социальном неравенстве может обрести любое социальное различие, становящееся социальным ресурсом: богатство, знание или какая-либо иная статусная характеристика, приводящая к неравному распределению социальных благ между группами или индивидами. Стремление к синтезу подходов нередко приводило к смешению понятий социальная структура и стратификация.

В настоящее время большинство социологов признают существование большого числа социальных явлений, которые носят смешанный характер, и, познавая сложность современного общества, используют синтетический и многомерный подходы: теория структурации Э. Гидденса и генетический структурализм П. Бурдье, синтетический подход Д. Груски.

В исследовании проблем социальной структуры западная социология прошла ряд этапов, каждый раз дополняя понятие социальной структуры новым содержанием. Эти преобразования позволили ей наметить пути преодоления ряда противоречий: между холизмом и индивидуализмом; между субъективизмом и объективизмом; между микронализмом и макронализмом; а также противоречия, возникавшие из-за разрыва между теорией и практическим изучением структуры. Однако считать процесс становления теории социальной структуры завершенным будет преждевременно.

Во втором параграфе «Георетические подходы к исследованию социальной структуры в российском обществе» отмечается, что основное внимание российских социологов было направлено на эмпирические исследования социальной структуры с использованием многообразных подходов к ее определению. Российские ученые с особым вниманием приступили к изучению социальной дифференциации (Л.А. Беляева, Н. Бондаренко, М.Д. Красильникова, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан) и ее прямого следствия – социальной поляризации рос-

сийского общества (Ю.В. Арутюнян, В.И. Ильин, М.Н. Руткевич, О.И. Шкаратан), истоки которого нередко видят в советском прошлом (С.Г. Кордонский и частично О.И. Шкаратан и Л.А. Беляева).

Предлагая свои объяснительные модели ее настоящей динамики, они в большинстве обратились к иным, чем марксистская парадигма, направлениям. Не отказавшись от понятия класс как значимого компонента социальной структуры, они наделили данную категорию новым для российской социологии содержанием, не ограничиваясь только экономическими характеристиками и следуя не столько за Марксом, сколько за М. Вебером и П. Сорокиным. Тем самым они сочетали социально-классовый и социально-слоевой подходы. Это позволило им, кроме прежнего – объективного критерия, при отнесении индивидов и групп к классам использовать субъективный критерий (Т.Ю. Богомолова, Н. Бондаренко М.Д. Красильникова, В.С. Торпилина) или их сочетание (М.К. Горшков, Л.Г. Бызов, М.С. Добрякова). Продуктивным оказался подход к установлению классовых и внутриклассовых границ с использованием показателей шансов жизни – метода, разработанного и применяемого группой социологов под руководством Н.Е. Тихоновой. Таким образом, большая часть современных российских социологов познает социоструктурные процессы, обратившись к стратификационным теориям. Основными критериями стратификации для них остается экономический, появляется профессиональный, властный, социокультурный, адаптационный, территориальный и др.

Деление на классы, принятое в советской социологии поддерживает группа ученых во главе с З.Т. Голенковой, предложившей в качестве структурного компонента выделить наемных работников, В.Х. Беленький и некоторые другие. Марксистских позиций придерживался М.Н. Руткевич.

В новейших исследованиях социальной стратификации российские ученые обращают внимание на сегментацию рынка труда и группы занятых (Б.Д. Бреев, Г.Н. Волкова, Г.В. Миль), дифференциацию домашней и недвижимой собственности, различия потребительских ориентаций и стилей жизни (Е.С. Балобанова, Л.А. Беляева, Н.М. Давыдова, Н.Н. Седова, Н.Е. Тихонова), этническую и гендерную дифференциацию (Л.А. Овчарова), стратифицирующую роль социальной политики государства (Т.И. Заславская, И.И. Хасанов, Е.Б. Поспелова).

Российские социологи, независимо от парадигмальной ориентации признают, что российское общество в последние десятилетия структурировалось под воздействием множества факторов. В связи с этим конкретные исследования были сосредоточены преимущественно на группах поляризации: экономически занятых и безработных, собственников

и наемных работников, богатых и бедных, управляющих и исполнителях. В российской социологии изучаются адаптационный потенциал наемных работников в сфере дополнительной занятости; направленность их потенциальной социальной мобильности; дается анализ тенденций в материальном положении; выявляются особенности формирования оценочных стереотипов по отношению к бедности, богатству и социального неравенства (З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитханян).

Обращение к теориям стратификации поставило перед российскими социологами вопрос о наличии в России среднего класса как компонента, цементирующего социальную структуру любого общества (Л.А. Беляева, З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, С.А. Иньяевский, Т.С. Любимова, Л.Н. Овчарова, И.П. Попова, В.В. Радаев, О.И. Шкарата). Различия в основаниях выделения данного компонента приводят авторов к противоположным выводам относительно завершенности его формирования. Ряд из них полагают, что средний класс в России еще не сложился (Е.М. Авраамова, Л.Н. Овчарова и Л.А. Беляева), другие придерживаются противоположного мнения (О.И. Шкарата и его группа, М.К. Горшков). Вместе с тем российские социологи обращают внимание на такие социоструктурные компоненты как элиты (Л.Н. Вильевая, Ю.А. Левада) и маргинальные слои (И.П. Попова).

В последние годы особое место в рассмотрении процессов трансформации социальной структуры российского общества уделяется временными границам процесса. На вопрос, завершено ли преобразование социальной структуры в России, положительно отвечают М.К. Горшков и частично Т.Е. Тихонова, отказываются в этом социальной структуре Л.А. Беляева З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян.

Тем не менее, явное или неявное признание факта относительной стабилизации, которой достигла социальная структура в России, позволило некоторым российским социологам обратиться к ресурсному подходу (В.В. Радаев, Н.Е. Тихонова и Н.М. Давыдова).

Таким образом, в современной российской социологии интерес к социальной структуре был и остается актуальным, обнаруживая многообразие теоретических и эмпирических подходов к ее изучению, из которых в процессе различного рода дискуссий и исследований наиболее популярным и приоритетным оказался стратификационный.

В третьем параграфе **«Социальная структура как проблемное поле исследований социологов Китая»** рассмотрено изучение проблемы социологами Китая. Ученые Китая также активно используют теоретический багаж мировой социологии. Единства они добились в признании того, что в настоящее время в Китае складывается, или уже не сложилась новая социальная структура общества. Более сложная,

чем традиционная двухкомпонентная (дуалистическая) социальная структура, существовавшая ранее. За счет этого социологи относят свое общество к «дифференцированному», не представляющему социальной системы (Сон Линьфэй, Сунь Липин). Касаясь таких definиций, как социальная структура и стратификация, китайские социологи чаще всего под понятием «социальная структура» имеют в виду социальную стратификацию. То есть рассматривают структуру с позиций социального неравенства, как и в России, считая эти проблемы наиболее актуальными, а причины расслоения единодушно расценивают как результат непропорционального распределения социальных ресурсов среди общественных групп (Ли Юаньшу, Хань Кэ-цин).

В качестве основной единицы новой иерархии социологи выделяют индивидов (Хань Кэ-цин) или группы (Чжо Нонцзянь). Критерии определения неравенства у них многообразны: экономический (Ли Чан), профессиональный критерий (Лу Суе-и) и многомерный, включая ресурсный (Ли Лулу). Предложенная последними авторами модель стратификации представляет попытку соединить критерий экономический с критериями социального взаимодействия и принадлежности к определенным социальным слоям, или объективный и субъективный критерии, чтобы полностью включать в сферу научного исследования все выявленные компоненты социальной структуры.

Таким образом, в социологии Китая, как и в России, отмечается повышенный интерес к проблемам социального неравенства, наблюдается увеличение критериев, используемых при обращении к изучению социальной стратификации общества, объединение субъективного и объективного подхода, что придает анализу проблемы полноту и всесторонность. Общими являются позиции российских и китайских социологов и в оценке классового подхода. Хотя в Китае некоторые учёные также полагают, что классовая теория и теория стратификации представляют разные научные парадигмы, все согласны, что истоком данных подходов служит признание институционализации социального неравенства. Нередко эти подходы рассматривают как две необходимые и взаимодополняющие методики (Хань Кэ-цин). Но новые формы социального неравенства, появившиеся в процессе трансформации китайского общества, как и в России, не поддаются изучению с классовых позиций, трактуемых в марксистском духе. Таким образом, классовый подход сохраняется скорее как чисто теоретическая позиция. Если в России это объясняется индивидуальной приверженностью социологов к марксизму, то в Китае ориентация на классовый подход поддерживается сохраняющейся коммунистической идеологией и при применении на практике утрачивает силу научной обоснованности. В результате часть ученых идут на

компромисс. Однако в основном социологи Китая в настоящий момент полагают, что ограничиваться применением только принципов марксизма при изучении процессов социальной стратификации в современном Китае некорректно.

Социологи Китая в определении сущности социальной структуры единны, понимая под ней упорядоченное расположение взаимосвязанных социальных элементов. Расхождение касается методов ее изучения, что связано с определением того, что считать структурным компонентом. Это позволило Чжан Цзину определить в подходах китайских социологов к социальной структуре две позиции: позиция, ориентированная на реальные отношения и позиция, ориентированная на логические отношения.

Проделанный анализ позволяет сделать выводы по главе в целом. Из множества существовавших и существующих социологических парадигм учение о социальной структуре наиболее успешно развивалось на макроуровне в рамках позитивизма, эволюционизма, марксизма, структурного функционализма, на микроуровне – в теории социального обмена и в статусно-ролевых теориях. В интегративных теориях – в теории двойной структурации и в генетическом структурализме.

Макросоциологические парадигмы в основном признавали детерминирующую роль социальной структуры по отношению к составляющим ее элементам и стремились объяснить поведение индивида или группы с точки зрения занимаемых ими позиций в обществе. Микросоциологические парадигмы рассматривали социальные структуры в качестве производных от межличностных взаимодействий преимущественно в рамках повседневности. Интегративные парадигмы преодолевали противоречия между структурой и действием, холизмом и индивидуализмом, субъективизмом и объективизмом, микро- и макроанализом.

Представители различных парадигм едины в понимании структуры как устойчивой связи между компонентами общества, представляющей социальную систему, но по-разному трактуют состав ее компонентов, на основе чего предлагают различные методы изучения социальных связей. По сути, результаты исследований, проводимых в рамках различных научных подходов, являются взаимодополняющими.

Данные выводы в равной степени относятся и к региональным социологиям, таким, как социология Китая и России, где социологи последних десятилетий, изучая меняющуюся социальную структуру своих обществ, прошли тот же путь раздумий и сомнений, что и социологи Запада. Но пополнили научный багаж результаты не столько общетеоретических, сколько эмпирических исследований, сделанных на их основании частнонаучных выводов. Проведенную ими работу нельзя считать

завершенной, поскольку социологи как в России, так и в Китае, говоря о социальной структуре своих обществ в целом, останавливаются преимущественно на ее экономических компонентах и сводят проблему к проблеме стратификации по данному критерию, в то время как социальная стратификация представляет собой специфическую социальную структуру, построенную на основе неравенства в то время как вопрос состоит в оценке сложившейся структуры обоих обществ в целом. Общая оценка социальной структуры поможет определить, что же эти общества собой представляют как социальные системы, и на этом основании выйти на более высокий уровень обобщений, связанных с социальными процессами современности.

Во второй главе **«Основные тенденции изменения социальной структуры китайского и российского общества»** внимание уделено изменениям основных компонентов социальной структуры России и Китая: социально-демографического, образовательного, социально-профессионального и экономического и дополняющего их социально-территориального.

В первом параграфе **«Демографическая структура России и Китая»** дается анализ динамики численности населения обоих обществ и половозрастной структуры. В России демографические процессы в первую очередь связаны с естественным движением населения и изменением миграционного прироста. Наиболее важным фактором из них является естественная убыль населения, которая зависит от двух факторов: низкой рождаемости и высокого уровня смертности.

Среди факторов, обусловивших низкую рождаемость в России, являются завершение демографического перехода, демографическая политика советского государства 80-х гг., снижение уровня благосостояния населения, начиная с 90-х, негативное влияние СМИ, криминализация общества и ряд других причин.

В качестве причин роста уровня смертности автор выдвигает болезни, кризис системы здравоохранения и экологической безопасности, череда катастроф и несчастных случаев, нездоровый образ жизни, духовные и социальные факторы. Именно духовный и социальный факторы, в сочетании с материальным фактором, составляют систему, способствующую увеличению смертности в современной России.

Миграция определенным образом компенсирует естественную убыль населения, поскольку, хотя внешний миграционный прирост в течение ряда лет ежегодно снижался. Тем не менее, решающую роль все же играют процессы естественного движения населения.

В Китае четко проявляется себя тенденция роста населения. Но за последнее десятилетие наметилось замедление темпов роста за счет сни-

жения рождаемости, что явилось следствием соответственной государственной демографической политики, изменения ценностных ориентаций населения, а также экономических причин.

Половая структура в России выражена диспропорцией в пользу преобладания женской части населения над мужской, начиная с 45-летнего возраста, что в 2008 г. было представлено следующим соотношением: 53,72:46,28. В Китае она складывается в пользу мужчин уже с младенческого возраста: в 2008 г. 48,53:51,47.

Возрастная структура населения России и Китая тоже отличаются между собой. Выше, чем в Китае, удельный вес населения России в возрастных когортах 20–34-летних, 45–49-летних, а также в группах старше 65 лет. А в Китае – соответственно – в когортах 0–19-летних, 35–44-летних, 60–64-летних.

Делается общий вывод о том, что социально-демографическая структура Китая находится в более выгодном положении по всем, кроме полового, параметрам, чем в России, которая пытается все же преодолеть так называемый «русский крест», представленный превышением смертности над рождаемостью и оказывающий глубокое воздействие на всю демографическую ситуацию, которая определяется как депопуляция населения. В настоящее время обе страны относятся к числу общества старения, но степень старения населения в России интенсивнее, чем в Китае. Это вскоре приведет к значительному смещению коэффициента демографической нагрузки и вызовет необходимость нового расчета социальных затрат.

Во втором параграфе **«Образовательная структура России и Китая»** подробно рассматриваются значение образования, образовательная структура и влияющие на нее факторы. Диссертационное исследование подтвердило, что образование является одним из важнейших компонентов структурного набора, играющего существенную функциональную роль и одновременно служащего критерием, по которому в современном обществе устанавливается социальное неравенство. Кроме того, оно обеспечивает доступ к информации, от степени владения которой зависит как успех индивида в обществе, так и благополучие самого общества. Не случайно в XXI в. образование осознается как стратегический ресурс не только социокультурного, но и экономического развития. В связи с этим интерес социологов, включая Россию и Китай, к данной структуре вполне оправдан.

Результаты проведенного сравнительного анализа показывают, что современный российский уровень образования за счет более выгодных стартовых условий достаточно высок. В Китае, кроме значительно более низких стартовых условий, немалую роль сыграли последствия

«культурной революции» 1966–1976 гг. Но динамика изменения образовательного уровня для обоих обществ едина. Она состоит в росте доли лиц с профессиональным образованием всех степеней. Среди факторов, влияющих на данный процесс в России и Китае, прежде всего, необходимо отметить государственную образовательную политику, которая, однако, по части финансирования не отвечает требованиям данного социального института ни в одной из этих стран.

Из собственно структурных факторов, влияющих на образовательную структуру, выявлен демографический, прежде всего – половой с разнонаправленными тенденциями. Преобладание более высокого уровня образования в России наблюдается у женщин, в Китае – у мужчин. Причина последнего кроется в следовании социокультурным традициям китайского общества.

Возрастной критерий коррелирует с образовательным в России и Китае следующим образом: он повышается по мере движения к более молодым возрастным когортам, что особенно проявляется в Китае, в то время как в России возникла тенденция снижения уровня общего образования у молодежи в возрасте 15–19 лет.

Другим структурным фактором является территориальный, в обоих обществах уровень образования сельского населения ниже, чем городского. В России по результатам переписи 2002 г. – доля лиц с высшим образованием в сельской местности была ниже, чем в городской в 2,6 раза, в Китае – в 106,9 раза. Более успешно преодолевается разрыв в уровне образования между городом и деревней в России.

В третьем параграфе **«Профессиональная структура России и Китая»** рассматриваются трансформационные процессы, происходящие в области социально-профессиональной структуры России и Китая, вызванные экономическим реформированием. Прежде всего, они выражались в ускоренном развитии таких ее секторов, как сфера услуг, торговля, транспорт, с соответствующим ростом числа входящих в них профессий и численности индивидов их представляющих.

В России этот процесс более выражен, чем в Китае. Это приближает ее социально-профессиональную структуру к западной модели, в то время как в Китае данная структура все еще традиционно распадается на две модели: современную, представленную городом, с углубленным разделением труда, и традиционную, преобладающую в сельской местности, с весьма ограниченным разделением труда, сдерживающим развитие профессиональной специализации.

При сравнении российской профессиональной структуры со сложившейся в Китае в первую очередь отмечается различие в соотношении доли работников квалифицированного и малоквалифицированного

труда, занятых в аграрном секторе: к 2008 г. в Китае их удельный вес почти в 10 раз выше, чем в России. В промышленном секторе наблюдается обратная картина: удельный вес рабочих всех уровней квалификации в 3,5 раза выше в России. При этом, по сравнению с Китаем, в России в 7,3 раза выше доля квалифицированных и высококвалифицированных рабочих.

Третье существенное различие касается специалистов, в Китае их удельный вес в 2,4 раза ниже, чем в России. Еще одно различие относится к группе лиц, занятых в сфере услуг и торговле. По этому показателю Китай уступает России почти в 2 раза. То же можно сказать и о группе предпринимателей и управляющих всех уровней: их доля в Китае по сравнению с российской осталась довольно низкой. Но самозанятых в России в 2006 году насчитывалось 1,2%, в то время как в Китае – 4,4%. В этом сказывается различие в государственной позиции России, лишившей своей поддержки малый бизнес, и Китая, всячески его поощряющего.

Рассмотреть социально-профессиональную структуру как стратификацию позволяет ресурсный подход. Используя его в России и Китае, исследователи отмечают в целом низкий общий уровень ресурсообеспеченности основного населения в обоих обществах. В России наименьшим запасом ресурсов обладают лица рабочих профессий и, возможно, самозанятые, а в Китае – жители сельской местности.

В целом же социально-профессиональная структура обоих обществ с позиций функционирования «дрейфует» в сторону ее сближения с социальной структурой высокоразвитых стран, при доминировании в этом процессе России. Профессия, как ее компонент, в Китае обладает способностью конвертироваться и в политический ресурс. Но в обеих странах она остается по преимуществу ресурсом экономическим и за счет этого участвует в углублении социального неравенства по данному критерию при различии в престиже некоторых профессий. В то же время, как в России, так и в Китае возрастает значение профессии как ресурса культурного, с той разницей, что стартовые условия в России более выгодны, чем в Китае. И это позволяет предполагать, что и результаты реализации данного капитала там проявятся раньше.

В четвертом параграфе **«Занятость населения и уровень безработицы России и Китая»** рассматриваются процессы, связанные с изменением социальной структуры по основаниям занятость/безработица и сфера занятости, образующими рынок труда. Данный социоструктурный компонент в новых условиях обретает достаточную подвижность и сообщает неустойчивость всей социальной структуре, создавая еще один вид неравенства.

При анализе структуры безработицы в обоих обществах, в качестве основной причины выдвигается вступление в рыночные отношения, а по отношению к России – и недостаточное внимание государства в 90-е годы к данной проблеме. Делается вывод, что активизация политики российского государства в докризисный период позволила существенно снизить уровень безработицы, особенно среди женщин. Относительно Китая говорится, что зарегистрированный уровень безработицы в два и более раза ниже реального. При этом снижение уровня экономически активного населения, наблюдаемое и в России, в Китае сопровождается ростом, а не падением уровня безработицы, что вызвано государственными реформами в целом.

Различаются общества и структурой безработицы. На российском рынке труда отмечается фрикционная и структурная безработица. На китайском рынке, кроме этих видов, существует и циклическая безработица, безработица общей массы населения и другие ее виды. При этом жесткая зависимость между показателями роста ВВП в обеих странах и ростом занятости населения в экономике отсутствует.

Анализируется структура занятости в зависимости от сферы занятости и форм собственности. Показывается, что основные структурные изменения по этому основанию связаны, при лидирующей позиции России, с перемещением экономически занятого населения из аграрного сектора в промышленный и сферу услуг. Что касается зависимости от форм собственности, то, как в России, так и в Китае перемещения вызваны главным образом сокращением числа занятых в государственном секторе и их ростом в частном, а также в секторе иностранной и смешанной с иностранной собственностью. Отмечается, что более динамично социоструктура по этому основанию меняется в Китае. Делается вывод, что основным фактором, детерминирующим рынок труда в обеих странах, явились макроэкономические процессы.

Выявляются социоструктурные факторы влияния на данный компонент. Из социально-демографических, прежде всего, – гендерный, свидетельствуя о существующей дискриминации женщин в обоих обществах, но в Китае носящей более глубокий характер. Возрастной фактор на структуре занятости в России сказался таким образом, что средний возраст занятых с 39,1 в 2000 г. до 39,7 лет в 2008 г., явившись показателем старения трудоспособного населения. В то время как средний возраст безработных остался около 34,5 лет. Прослеживаются колебания в занятости и безработице в зависимости от пола и возраста, отмечаются наиболее неблагополучные в этом отношении группы в России и Китае, где все негативные процессы оказались в ряде случаев более динамичными, является молодежь, прежде всего – выпускники вузов.

При обращении непосредственно к роли образовательного фактора отмечается, что уровень занятости среди лиц, имеющих профессиональное образование в обоих обществах значительно выше, чем у тех, кто его не имеет, и тенденция роста сохраняется. В то же время процесс изменения уровня безработицы более интенсивно происходил в группе высокоОобразованных женщин, чем у мужчин. При явной несопоставимости показателей, в Китае за этот же период отмечены аналогичные тенденции. Соответственно, на рынке труда возрос коэффициент занятых лиц, имеющих высшее образование. Отмечается, что основное число занятых в экономике Китая представляют лица с средним образованием. Гендерная асимметрия в данном случае выражена следующим образом: коэффициент занятых лиц с высшим образованием в 2008 г. среди мужчин составлял 7,2% и 6,0% – среди женщин. На этом фоне в последние годы в Китае коэффициент безработных лиц с высшим образованием с 2002 г. до 2008 г. вырос на 10,9% и составил 16,8% в 2008 г., то есть выше, чем в России, как и среди профессионально неподготовленных лиц. Гендерная асимметрия проявилась здесь не в пользу мужчин.

В заключении параграфа диссертант констатирует, что на современном этапе процессы занятости и безработицы структурируют общества России и Китая по принципу неравенства, представляя серьезную социальную проблему. Проблема безработицы в Китае стоит острее, чем в России. Основополагающую роль при этом играют макроэкономические процессы, с трудом поддающиеся государственному регулированию, что также не исключает влияния собственно структурных факторов, которые проявляются в каждом из обществ в результате сохраняющихся социокультурных различий, обусловленных расхождением в национальных традициях России и Китая.

В пятом параграфе «**Стратификация по уровню дохода**» рассмотрена экономическая стратификация современных обществ России и Китая с позиций основного ее критерия – уровня доходов населения. Показано, что динамика и состояние стратификации по данному критерию в России значительно изменились. Однако с учетом инфляции можно утверждать, что существенных изменений в стратификации населения России по критерию доходов не произошло.

Аналогичные процессы наблюдались в Китае, что позволило сопоставить распределение доходов по 20 процентным группам населения, сложившееся в 2008 г. В России первая (с наименьшими доходами) – 5,1%, вторая – 9,7%; третья – 14,8%; четвертая – 22,5%, пятая (с наибольшими доходами) – 47,9%. В Китае же эти группы представлены следующим образом: первая группа 4,3%; вторая – 8,8%, третья – 15,5%, четвертая – 22,0% и пятая – 49,3%. С учетом этих и иных стати-

стических данных делается вывод, что на фоне углубления неравенства по уровню доходов в обоих обществах в большей степени данный процесс задел Китай, чем Россию.

Определяются факторы воздействия на распределение доли доходов в России и Китае. ТERRITORIALНЫЙ фактор проявляется в том, что уровень доходов населения обоих обществ в городе неизменно выше, чем в сельской местности. ТERRITORIALНЫЙ фактор проявляется и на региональном уровне.

Обращаясь к уровню образования как фактору, влияющему на экономическое неравенство, делается вывод, что он в обоих обществах не всегда выступает как самостоятельный, а действует в совокупности с другими структурными компонентами: сферой занятости и видом собственности. Взятый в отрыве от других факторов, данный показатель приводит к мысли о том, что в России образовательный критерий в экономическом отношении себя не оправдывает, поскольку слабо конвертируется в экономический капитал и тем самым лишается своей стимулирующей роли. В Китае, такого положения не наблюдается. Строгая пропорциональная зависимость между уровнем образования и доходом ничем не нарушена.

Фактором влияния на уровень дохода является сфера занятости. В России самой высокодоходной сферой независимо от уровня образования и занимаемой должности является горно- и нефтедобывающая, чего не наблюдается в Китае. В обеих странах наименее обеспечены лица, занятые в аграрном, лесном и рыбодобывающем производстве, а также гостинично-ресторанном секторе. Во всех остальных сферах занятости подобное соотношение отсутствует, отражая различия в престиже профессий обоих обществ, обусловленные социокультурными традициями. В числе факторов экономического неравенства рассматривается форма собственности предприятий и организаций, где занято экономически активное население. В России и Китае работа по найму на предприятиях, основным собственником которого является государство, чаще, чем работа в других секторах экономики, служит источником низкого экономического положения, но в Китае с 2003 года подобный разрыв сокращается.

Из демографических факторов влияния рассматривается гендерный. В России наибольший разрыв в оплате мужчин и женщин в пользу мужчин наблюдается в сфере промышленного производства, транспорта, строительства и торговли. Наименьший – в сфере образования и здравоохранения. Ни занимаемая должность, ни профессия при гендерной дискриминации самостоятельным фактором не служит, тенденция общая для всех. В Китае дискриминация подобного рода при уве-

личении обозначенного разрыва связана абсолютно со всеми профессиями и проявляется во всех сферах занятости.

Делается вывод о том, что экономическая стратификация в России и Китае в последние десять лет имеет общую тенденцию изменения, которая представляет поляризацию общества по критерию бедность/богатство, причем в России удельный вес среднеобеспеченных лиц заметно выше, чем в Китае, где падение уровня доходов наблюдается во всех основных группах населения. В обеих странах уровень дохода детерминируют многие факторы внешнего и внутреннего (само по себе структурного) характера. К внешним общим факторам отнесен переход к рыночной экономике и достаточно слабое участие государства в преодолении экономического неравенства (в Китае – за исключением последних 5 лет). К внутренним общим факторам – воздействие социоструктурных компонентов, последовательно рассмотренных в диссертации. Большая часть из них, согласно концепции П. Бурдье, относится к ресурсам, доказавшим свою способность конвертироваться в экономический капитал, и участвует в социальной стратификации.

В заключении параграфа делается вывод, что экономическое неравенство в Китае носит более глубокий характер, чем в России, и причины его вызваны не преимущественно рыночными отношениями, как в России, а уходят корнями в традиции китайского общества.

Диссертант делает следующие выводы по главе.

Социальная структура обоих обществ представляет собой системное образование. Состав компонентов в целом соответствует составу компонентов, входящих в социоструктуру современных высокоразвитых обществ. Параметры социоструктуры России и Китая в ряде случаев свидетельствуют лишь о наметившейся тенденции такого сближения.

Большая часть социоструктурных компонентов обоих обществ выполняет не просто функциональную роль, а одновременно ранжирует общество по признаку социального неравенства. В их числе демографические характеристики: пол и возраст, от которых зависят практические все параметры собственно социальных компонентов: образование, профессия, сфера занятости и уровень дохода.

Наиболее активным демографическим детерминантом служит половой признак. Неравенство женщин отмечается почти во всех выделенных статусных группах обеих стран (исключение представляет образовательная структура в России, где женщины лидируют по этому признаку), влияние на социальную структуру особенно ярко проявляется в современном китайском обществе. Возрастной фактор как компонент социально-демографической структуры, вектор изменения которого, об-

щий для двух стран, направлен в сторону старения населения, в большей степени проявил себя в России, приводя ее население к депопуляции.

Как компонент социальной структуры активно заявляет о себе образование. Общая тенденция для России и Китая состоит в его неуклонном повышении. Хотя уровень в России и Китае несопоставим, отмечается неблагоприятная в этой сфере для России тенденция падения данного уровня у самого молодого поколения, чего не наблюдается в Китае.

Трансформация социальной структуры в функциональном плане наиболее существенным образом отразились на изменениях его профессиональной дифференциации, демонстрируя активное влияние рыночных отношений. При общей для России и Китая тенденции роста коэффициента занятых в сфере услуг, наибольшая интенсивность процесса, приближая социоструктуру общества к западноевропейской модели, отмечается в России, где высока доля менеджеров всех уровней и профессионалов с высшим образованием. В Китае профессиональная структура обретает контуры, характерные для параметров индустриального, но не постиндустриального общества, что выражается в преобладании профессий, связанных с аграрным производством, низким удельным весом квалифицированных рабочих и поддерживается образовательным и территориальным компонентами. Структурным компонентом, дифференцирующим общество России и Китая служит уровень занятости и безработицы. В Китае уровень безработицы выше, чем в России, которая в докризисный период успешноправлялась с проблемой благодаря социальной политике государства.

Сближает социальные структуры России и Китая экономическая стратификация. Тенденции ее преобразования позволяет выделить среди высоко- средне- и низкодоходные группы. Отличительной чертой обоих обществ служит резкая поляризация внутри каждого из них, огромный разрыв между бедными и богатыми, значительно превосходящий то, что сложилось в высокоразвитых странах. В создании сложившегося положения задействованы все социоструктурные факторы, начиная с демографических и заканчивая профессиональными. Воздействие каждого из них в России и Китае проявляется с разной силой интенсивности. В России наибольшее влияние на экономическую стратификацию оказала сфера занятости. В Китае, при сохранении значимости данного фактора, дают о себе знать в первую очередь территориальный, образовательный и гендерный критерии.

Диссертант делает выводы о характере социальной структуры на социально-демографическом, социально-профессиональном и социально-классовом видах каждого общества, которые в большинстве своем подтверждаются региональными опросами в Приморье и провинции

Хэйлунцзян и в целом сводятся к тому, что социоструктурные трансформации в России и Китае не завершены, сохраняя за социальной структурой России индустриальную модель, а Китая – модель социальной структуры традиционного общества.

В **заключении** приведены основные теоретические выводы и результаты диссертационного исследования.

Приложение содержит таблицы, отражающие данные эмпирических исследований, данные Росстата, данные Государственного статистического управления Китая.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Монография:

Дяо Лимин. Социальная структура современных обществ России и Китая. Социологический анализ / Лимин Дяо. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 280 с.

Статьи:

1. Дяо Лимин. Социально-профессиональная структура занятых в экономике современных России и Китая / Лимин Дяо // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5. С. 37-46 (статья по списку ВАК).

2. Дяо Лимин. Изучение социальной структуры в Китае / Лимин Дяо // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 3. С. 195-201 (статья по списку ВАК).

3. Дяо Лимин. Занятость населения и уровень безработицы в России и Китае / Лимин Дяо // Молодой международник: Альманах / отв. ред. В.Ф. Печерица. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып.11 С. 42-54.

4. Дяо Лимин. Социальная структура современной России / Лимин Дяо // Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы / отв. ред. В.Ф. Печерица. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 451-458.

5. Дяо Лимин. Категория «социальная структура» в современной российской социологии / Лимин Дяо // Политические и социально-экономические проблемы Дальнего Востока и стран АТР / отв. ред. Е.П. Жариков. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 46-47.

6. Дяо Лимин. Кризис структурности развития российского народонаселения / Лимин Дяо // Сибирские исследования. Харбин, 2007. № 6. С. 38-42 (Кит. яз.).

Подписано в печать 07.09.10. Формат 60x84 1/16.
Усл. л. 1,39. Тираж 100. Заказ 842.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio-univer@mail.ru